

теперь была бы безстыдствомъ. Здѣсь тягостно и прискорбно то, что въ душѣ Толстого вообще могъ возникнуть такой именно конфликтъ, ибо по существу въ немъ вовсе нѣтъ необходимости, онъ есть нѣчто вполне индивидуальное, нѣчто такое, чего могло бы и не быть. Однако разъ этотъ конфликтъ налицо, онъ долженъ быть изжитъ до конца, и изъ него должны быть извлечены всѣ практическіе выводы.

Такъ понимаемъ мы со стороны внутреннихъ мотивовъ литературную эволюцію Толстого,—отъ великаго художника до посредственнаго богослова и морализирующаго публициста. Это безспорное пониженіе литературнаго типа субъективно было для него религиозно-аскетическимъ подвигомъ, отрѣченіемъ соблазняющаго члена, жертвой Богу. Однако нельзя умолчать, что возможно и иное, менѣе благоприятное для Толстого объясненіе этой эволюціи, не только изъ аскетическихъ, но и совсѣмъ изъ другихъ мотивовъ, изъ своеобразной духовной гордости, для которой недостаточнымъ уже казалось призваніе даже первокласснаго художника, а нужно было еще высшее служеніе,—религіознаго пророка, почти основателя религіи. По совѣсти я не могу сказать, чтобы это пониманіе совсѣмъ не находило никакихъ точекъ опоры въ томъ, что намъ извѣстно о духовномъ обликѣ Толстого за эти послѣдніе годы. Спасаясь отъ одного соблазна, онъ естественно могъ подпадать другому, гораздо болѣе опасному. Ибо, конечно, религіозная проповѣдь его имѣетъ болѣе притязательный, а постольку и горделивый, характеръ, нежели художественное творчество. Про эту сторону дѣятельности Толстого приходится сказать, что и онъ, великій, притязалъ здѣсь на большее, нежели имѣлъ и къ чему былъ призванъ. Но человѣческому суду не дано раздѣлять пшеницу отъ плевель въ душѣ ближняго, и, какъ бы ни была запутанна, сложна и противорѣчива личная психологія Толстого, а также и Гоголя, несомнѣнно, что въ качествѣ одного изъ основныхъ мотивовъ, хотя, конечно, отнюдь не единственнаго, въ ихъ литературной судьбѣ былъ аскетическій. И любопытно наблюдать, какъ съ годами у Толстого становится все замѣтнѣе стремленіе въ литературной дѣятельности заслониться отъ индивидуальнаго творчества тѣмъ, что сверхъиндивидуально или безлично. Какъ извѣстно, послѣдніе годы жизни его были посвящены составленію сборниковъ изреченій изъ разныхъ мыслителей, т.-е. собиранію преимущественно не